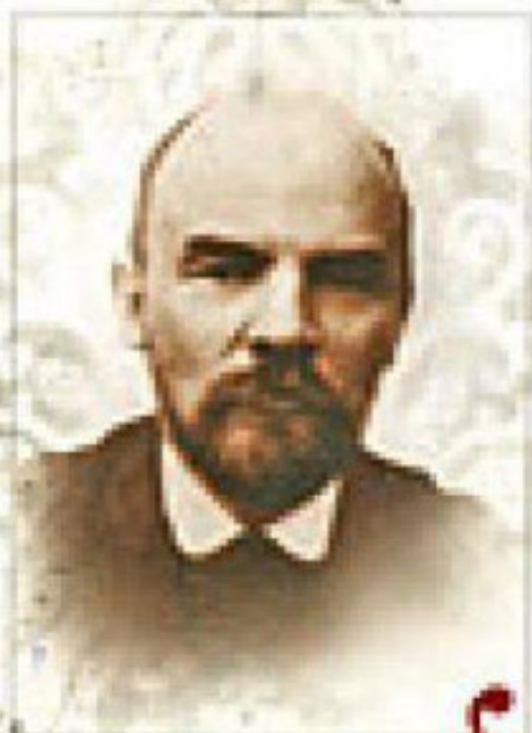
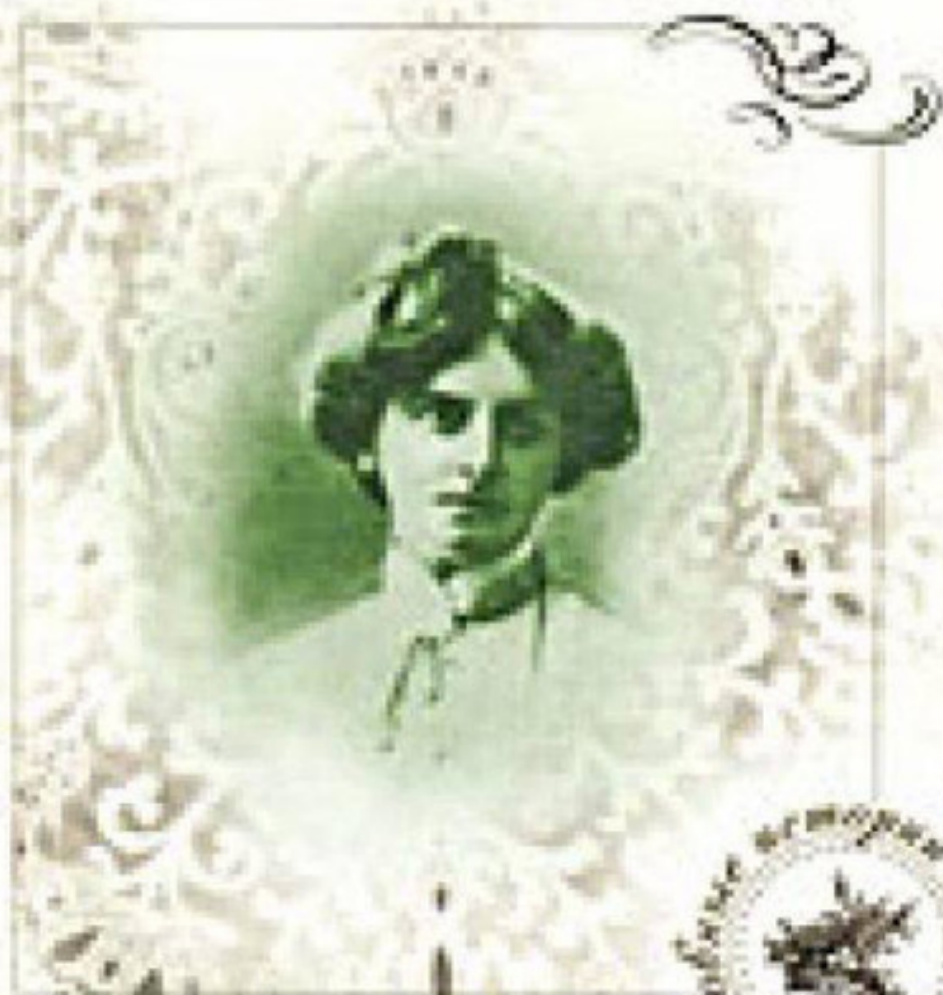

Борис Саволов

Ленин и Улесса Арманд

Борис Соколов

Ленин и Инесса Арманд

«Алисторус»

2008

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)

Соколов Б. В.

Ленин и Инесса Арманд / Б. В. Соколов — «Алисторус», 2008

Они познакомились в 1909 году. Владимиру Ульянову (Ленину) – 39, Инессе Арманд – 35. Она – многодетная мать и пламенная революционерка. Он – лидер партии большевиков, которому суждено вспять повернуть Россию. Дочь оперного певца и актрисы, Инесса родилась в Париже в 1874 году. После смерти отца вместе с сестрой воспитывалась в Москве. В 19 лет вышла замуж за сына крупного фабриканта Александра Арманд, а потом, родив четверых детей, ушла к его брату, с которым их объединяло общее дело – социал-демократия. В историю она вошла как партийный деятель на заре страны Советов и возлюбленная вождя пролетариата. Треугольник Крупская-Ленин-Арманд распался в 1920-м, после внезапной кончины Инессы Теодоровны, которая была похоронена у Кремлевской стены... Заботу о ее детях взяла на себя Крупская.

УДК 82-94
ББК 84(2Рос-Рус)

© Соколов Б. В., 2008
© Алисторус, 2008

Содержание

«Красный треугольник». Инесса Арманд и Надежда Крупская:	6
двойной портрет в ленинском зеркале	
Крупская и Арманд еще не знакомы	8
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Борис Соколов

Ленин и Инесса Арманд

© Соколов Б. В., 2008

© ООО «Алгоритм-Книга», 2008

* * *

Моим матери и жене с любовью посвящаю

«Красный треугольник». Инесса Арманд и Надежда Крупская: двойной портрет в ленинском зеркале

Вместо предисловия

Владимир Ильич Ульянов, России и всему миру более известный под псевдонимом Ленин, в СССР еще при жизни превратился в наиболее почитаемую «икону». На протяжении семи десятилетий советская Лениниана рисовала нам вождя практически лишенным не только каких-либо человеческих слабостей, но и многих страстей и чувств, свойственных всем людям. Например, любви к женщине (детей мифологическому Ленину, слава богу, любить позволялось). Между тем за рубежом табу на личную жизнь Ильича не было. Еще в 1936 году бывший большевик Григорий Алексеевич Алексинский, ставший позднее непримиримым противником большевизма и одним из авторов версии о Ленине – германском шпионе, в предисловии к воспоминаниям одной из немногочисленных ленинских любовниц совершенно справедливо писал: «Официальные почитатели не только мумифицируют и подкрашивают его набальзамированный труп, но и создают вокруг его личности позолоченную легенду. И лишь очень редко бывает возможность познакомиться с материалами о настоящем, живом Ленине... В этих рассказах, а также в своих письмах Ленин является перед нами не таким, каким его разрисовывают официальные советские «богомазы», а таким, каким он был в действительности».

Обе женщины, о которых пойдет речь в этой книге, Инесса Федоровна Арманд и Надежда Константиновна Крупская, остались в истории только благодаря близости к одному человеку – Ленину. В ином случае о них знали бы только очень внимательные читатели весьма скучных трудов – о социал-демократическом движении в России начала XX века да о становлении советских государственных учреждений. И Арманд, и Крупская были сильно мифологизированы советской пропагандой. Одну из главных своих задач я видел в том, чтобы понять, какими они и Ленин были в действительности, какие чувства испытывали друг к другу, какой видели собственную судьбу, судьбы России и всего человечества. Удалось ли мне это – судить читателям.

Лаконичный язык полицейских документов сохранил портретные описания обеих женщин. Вот что говорилось там об Арманд: «Инесса, интеллигентка... около 26–28 лет от роду (писалось донесение агента-provokatora в 1911 году, когда нашей героине было уже полных 37, так что выглядела она, признаем, гораздо моложе своих лет. – *Б. С.*), среднего роста, худощавая, продолговатое, чистое и белое лицо; темно-русая с рыжеватым оттенком; очень пышная растительность на голове, хотя коса и производит впечатление привязанной (на самом деле – настоящая, а не какой-нибудь там шиньон. – *Б. С.*)». А вот портрет Крупской той же поры: «...около 36–38 лет от роду (в действительности – 42, полицейские агенты загадочным образом омолаживали женщин-революционерок. – *Б. С.*), выше среднего или даже высокого роста, худощавая, продолговатое бледное с морщинками лицо, темно-русая, интеллигентка, носит прическу и шляпу...» Даже по этим скудным строчкам, если бы мы не располагали многими фотографиями, можно было заключить, что Арманд была куда эффектнее Крупской. Но, думаю, не только и не столько из-за этого увлекся ею Ильич...

Сразу предупреждаю: о педагогической деятельности Крупской и о роли Арманд в борьбе за равноправие российских женщин я буду говорить очень мало. Ведь интерес сегодня представляет только их роль в биографии того, кого одни считают величайшим и добрым гением, а другие – величайшим злодеем нашего столетия. Ни одно ленинское жизнеописание не обходится без упоминания этих имен, что неудивительно: Крупская была женой, а Арманд – единственной известной до сих пор любовницей создателя и вождя партии большевиков. Как две женщины и Ленин образовали «красный треугольник», что за личности были Инесса Арманд

и Надежда Крупская, что значили в их жизни любовь и революция? На эти и некоторые другие вопросы я постараюсь дать ответ.

В советское время на сюжет об отношениях Ленина и Инессы Арманд было наложено табу. Историкам и публицистам позволялось писать только о любви «товарища Инессы» к Владимиру Ильичу как к вождю и пламенному революционеру, ее восхищении им, преклонении перед ним, но не о страстной, чувственной влюбленности ее в Ленина-человека. Понятно, что абсолютно запрещены были любые намеки на секс как для Ленина и Арманд, так и для Ленина и Крупской. Есть основания полагать, что переписка Владимира Ильича и Инессы Федоровны была серьезно подчищена как при их жизни, так и уже после смерти. В воспоминаниях современников любовь Инессы и Ильича тоже весьма тщательно обходилась, чтобы не разрушать миф, герой которого должен был быть всегда верен не только революции, но и жене и даже в мыслях не должен был изменять обеим. Практически никто из близко знавших Инессу Арманд или Надежду Крупскую не стал впоследствии противником Ленина, не эмигрировал из Советской России и не оставил сколько-нибудь откровенных мемуаров. Их образы также были сильно мифологизированы, и, в сущности, о жизни двух близких Ленину женщин мы, кроме анкетных данных, достоверно знаем не слишком много. А сколько ценных сведений утрачено безвозвратно – в уничтоженных письмах и так и не написанных воспоминаниях! Многое мне придется додумывать, а потом еще додумывать придется моим читателям. И все же попробуем воссоздать облик двух верных подруг Ильича, едва просвечивающий сквозь туман мифов.

Крупская и Арманд еще не знакомы

О начале жизненного пути наших героинь известно довольно точно. Надежда Крупская родилась в Петербурге 14/26 февраля 1869 года¹. Ее отец, Константин Игнатьевич Крупский, происходил из польских дворян Виленской губернии. Дед Надежды, Игнатий Каликстович, кадровый офицер русской армии, потерял все свое имущество в войну 1812 года и после возвращения из заграничного похода переселился в Казанскую губернию. Там 29 мая 1838 года и родился Константин Игнатьевич. Восемь лет спустя Игнатий Каликстович вышел в отставку в чине майора и вскоре умер. Костю определили в Константиновский кадетский корпус в Петербурге. Потом – Михайловское артиллерийское училище, откуда Константин Иванович был выпущен в 1857 году в чине подпоручика. Еще в кадетском корпусе он познакомился с Андреем Афанасьевичем Потебней. Они поддерживали связь и позднее. После училища Крупского определили в Смоленский пехотный полк, располагавшийся в польском городке Кельце. Здесь революционные демократы во главе с Потебней стремились создать тайную офицерскую организацию. В записной книжке Николая Огарева сохранился перечень ее членов, вписанный туда Потебней собственноручно. В нем значился и Крупский, поручик Смоленского полка 7-й пехотной дивизии (этот чин Константин Игнатьевич получил в 1859 году). Конечно, Андрей Афанасьевич в сообщении одному из редакторов знаменитого «Колокола» мог вольно или невольно преувеличить степень революционности русского офицерства в Польше и причислить к созданному им Комитету русских офицеров давнего товарища, сочувственно относящегося к взглядам революционных демократов, но отнюдь не готового выступить против правительства с оружием в руках. Сам Потебня в своей борьбе против самодержавия пошел до конца, в 1863 году встал на сторону польских повстанцев и погиб в бою с русскими войсками. Поручик же Крупский, как мы увидим дальше, присяги не нарушил.

Молодой офицер по прибытии на место службы попал под влияние польской культуры, быстро выучил язык предков, увлекся поэзией Мицкевича, музыкой Шопена... Но в воздухе пахло грозой. В Российской империи начались Великие реформы. Поляки надеялись, что Королевство Польское обретет долгожданную независимость. Но царь-Освободитель ограничился проведением на польских землях либеральных реформ, восстанавливавших политические права польской элиты. Русское правительство рассчитывало на союз с местной шляхтой, интеллигенцией и католической церковью. Оно надеялось убедить образованные классы польского общества в выгодах сохранения автономного Королевства Польского в составе Российской империи. Реформы активно проводил в жизнь в 1861–1862 годах начальник гражданского управления Королевства маркиз Александр Велепольский. Однако его деятельность привела к результатам, прямо противоположным ожидаемым. Позднее биограф Велепольского историк В. Д. Спасович писал: «...Предприятие его рушилось не потому, что оно было не логическое, а потому, что было затеяно в момент, когда какие-то ни было даруемые облегчения и льготы могли быть истолкованы только как уступки и когда спор между двумя нациями осложнился возможностью вмешательства западноевропейских государств». Поляки рассчитывали на помощь Запада (как показали дальнейшие события – безосновательно) и требовали полной независимости.

Назревало восстание, и расквартированные в Польше офицеры это чувствовали. Константин Игнатьевич не горел желанием стрелять в братьев по крови. Но понимал: оставаясь

¹ Все даты в книге, относящиеся к России, до 19 января (1 февраля) 1918 года приводятся по старому стилю (юлианскому календарю). Даты, относящиеся к другим государствам, как правило, приводятся по новому стилю (григорианскому календарю), который в России был введен 1 февраля 1918 года. В некоторых случаях дается двойная датировка по обоим календарям. В XIX веке старый стиль запаздывал по сравнению с новым на 12 дней, в XX веке – на 13 дней.

в Кельце, роли карателя не избежать. И сделал отчаянную попытку перевестись в родную Казань. 12 ноября 1862 года он подал прошение командиру полка полковнику Ченгеры, тоже происходившему из польской шляхты:

«Милостивый государь, Ксаверий Осипович!

Извините за откровенную, смешную просьбу, с которой обращаюсь к Вам, как к начальнику, всегда готовому принять участие в судьбе подчиненного. С девятилетнего возраста провидение разлучило меня со всеми близкими сердцу, а вместе – с милым родным краем, оставив в душе сладкие воспоминания о счастливых годах детства, живописных местах родного гнезда!.. О всем, что так дорого для каждого!

От подобных обстоятельств жизни какая-то невыносимая тоска давит душу – весь организм мой, а желание служить на родной земле день ото дня сильнее овладевает моими чувствами, парализует все мои мысли.

Я уверен, Ксаверий Осипович, что Вы поймете грустное состояние моей души и по чувству человеческого не оставите без внимания просьбы, охотно примете на себя труд хлопотать о переводе меня в войска, стоящие в Казанской губернии (место моей родины). Быть может, перевести меня труд с Вашей стороны не малый, тем более что я не имею собственных средств на проезд такого дальнего пути, но все-таки надеюсь на исполнение просьбы моей».

Добряк-полковник все понял и рапорт поддержал. Но было поздно.

О том, что грядет восстание, догадывался и сам Велепольский. Чтобы предотвратить его, маркиз в январе 1863 года объявил рекрутский набор по специальным именным спискам. Таким образом Велепольский хотел изъять из Королевства «неблагонадежные элементы». Однако эта мера только ускорила развязку. Сразу же после объявления рекрутского набора вспыхнуло восстание на польских, литовских и белорусских землях. Поручику Крупскому, пусть с тяжелым сердцем, но пришлось исполнять воинский долг. Свое сочувствие к полякам Константин Игнатьевич проявлял лишь в том, что иной раз позволял бежать пленным повстанцам.

После подавления восстания многие из польских шляхтичей – знакомых Крупского были сосланы в Сибирь, а их земли конфискованы. Теперь Константин Игнатьевич вынужден был делить общество оставшихся в губернии русских помещиков. И на одном из вечеров повстречал будущую жену.

Надежда Константиновна вспоминала: «Родители хотя и были дворяне по происхождению, но не было у них ни кола, ни двора, и когда они поженились, то бывало нередко так, что приходилось занимать двугривенный, чтобы купить еды». В послужном списке Константина Игнатьевича так и отмечалось: «Родового и благоприобретенного недвижимого имущества и имений за ним, его родителями и женой не значится». Елизавета Васильевна Тистрова, будущая жена поручика Крупского, тоже никакого состояния не унаследовала и с ранних лет познала горечь сиротства. Она была дочерью подполковника корпуса горных инженеров Василия Ивановича Тистрова (судя по фамилии – из обрусевших немцев или англичан), но очень рано осталась круглой сиротой. Восемь лет она проучилась в Павловском военно-сиротском институте благородных девиц в Петербурге. Рассказы матери об этом времени дочь позднее передавала так: «Очень хорошая ученица, она имела пониженный бал за поведение, но зато была любимицей класса. Стащить форшмак у классной дамы и накормить им голодных подруг, устроить бомбардировку двери Мочалки (начальницы), не моргнув, выдержать крики и выговоры классной дамы-немки, не отвечать урока, потому что другие девочки не выучили его, взять на себя вину других – на это она была первой мастерицей».

Когда в 1858 году Лиза Тистрова окончила институт, дававший образование в объеме гимназии, она получила не только аттестат зрелости, но и звание домашней учительницы. Несколько лет служила гувернанткой в Петербурге, пока в 1864 году не приняла приглашение помещицы Русановой переехать в ее имение в Польше недалеко от Кельце, где предстояло

воспитывать троих детей. Дети полюбили новую гувернантку, хозяйка была с ней приветлива. Но сама атмосфера помещичьего быта действовала на Елизавету угнетающе. Среди крестьян жила память о недавних дичайших выходках крепостников. Много лет спустя Елизавета Васильевна рассказывала дочери Наде: «Отец... помещицы практиковал следующее: когда какая-нибудь подневольная крепостная... не хотела становиться его любовницей, то ее избивали до полусмерти, а затем зашивали в мешок, сыпали зерно и пускали индюков, которые заклевывали насмерть». По словам Надежды Константиновны, «за два года, пока она служила в гувернантках у помещицы, мать вдоволь насмотрелась, как обращались помещики с крестьянами, какое это было зверье».

Молодой образованный поручик, сочувствовавший народу, на этом фоне заметно выделялся в лучшую сторону. Очень быстро Лиза и Константин полюбили друг друга. Однако прошло несколько лет, прежде чем они стали мужем и женой. Вскоре после подавления польского восстания поручик Крупский был назначен уездным воинским начальником в Кельце.

Одной из главных его задач стало проведение аграрной реформы. Эту реформу российские власти инициировали в Королевстве Польском, чтобы ослабить шляхту и вбить клин между ней и польским крестьянством. Осуществление реформы облегчалось тем, что многие помещики за участие в восстании были сосланы в Сибирь, а их земли конфискованы. Впрочем, и оставшиеся в Королевстве шляхтичи за изъятые в пользу крестьян земли получили не более чем почти символическую компенсацию. Были также конфискованы все земли и капиталы католической церкви, закрыты многие монастыри. Теперь правительство стремилось опереться на крестьянство и нарождающуюся польскую буржуазию против шляхты. Реформа местного самоуправления привела к тому, что шляхта потеряла какие-либо льготы при выборах войтов – старшин, возглавлявших гмины (административные единицы, аналогичные русским волостям). Это обстоятельство объективно привело к сближению положения шляхтичей и крестьян, но сословная отчужденность между ними сохранилась.

Константин Игнатьевич успешно справлялся со своими обязанностями. Ему удавалось поддерживать баланс между интересами крестьян и помещиков. Со многими из шляхтичей Крупский был дружен, а к простому народу испытывал симпатию, естественную для человека демократических убеждений. В 1866 году Крупского произвели в капитаны.

В 1867 году в Петербурге открылась Военно-юридическая академия. Константин Игнатьевич и его старший брат Александр решили поступить туда, благополучно выдержали экзамены и были зачислены на первый курс. Успешное окончание академии открывало возможность карьеры в сфере военной юстиции и администрации. Очевидно, капитан Крупский, поработав уездным воинским начальником, нашел свое призвание в сфере управления. Здесь он надеялся дать достойное применение своим силам и хоть чем-то облегчить положение народа. Казалось, начатые Александром II реформы дают основание рассчитывать на реализацию подобных замыслов. Однако всего лишь через несколько лет надежды Константина Крупского пошли прахом.

Константин Игнатьевич и Елизавета Васильевна поженились в 1868 году, вскоре после переезда в столицу. Первое время молодожены поселились у родственников Тистровых на Офицерской улице, недалеко от набережной Мойки, где располагалась Военно-юридическая академия. Здесь 14/26 февраля 1869 года у них родилась дочь Надежда, которой и суждено было оставить в веках память о роде Крупских. Втроем было тесно в маленькой комнате, и некоторое время спустя семейство переехало в более просторную, но отдаленную от центра квартиру у Аларчина моста вблизи слияния рек Пряжки и Кривуши (последняя теперь называется каналом Грибоедова). В средствах Крупские были по-прежнему стеснены, и Константин Игнатьевич, чтобы сэкономить на конке, продолжал ходить на занятия пешком. А ведь путь теперь был не близкий.

В сентябре 1869 года капитан Крупский окончил Военно-юридическую академию по 2-му разряду. Это не позволило ему получить должность в органах военной юстиции. В связи с этим Константина Игнатьевича уволили в отставку «из-за невозможности использоваться на российской военной службе». Только в феврале 1870 года ему удалось получить должность уездного начальника в городке Гроец под Варшавой. В связи с этим капитану Крупскому был присвоен гражданский чин коллежского асессора, соответствующий армейскому майору. Поскольку военные чины ценились более гражданских и их обладатели официально имели преимущество в чинах одного и того же класса перед статскими, то при поступлении на гражданскую службу военные обычно получали чин одним классом выше.

Надежда Константиновна в 1925 году вспоминала: «Отец был очень горячий человек... Он считал, что в Польшу должны ехать служить честные люди. Когда он приехал в назначенный ему уезд, там делались всякие безобразия – евреев вытаскивали на площадь и под барабанный бой стригли им пейсы, полякам запрещали огораживать свое кладбище и гоняли туда свиней, которые разрывали могилы. Отец прекратил все эти безобразия. Он завел больницу, поставил ее образцово, преследовал взяточничество и заслужил ненависть жандармерии и русского чиновничества и любовь населения – особенно поляков и еврейской бедноты».

Возможно, история со стрижкой пейсов под барабанный бой и представляет собой некое поэтическое преувеличение. В первые послереволюционные годы модно было выпячивать национальный гнет в Российской империи, и при этом иной раз реальные факты причудливо смешивались с пропагандистскими фантазиями. Однако не приходится сомневаться, что евреям действительно приходилось нелегко. А в Польше они становились жертвами антисемитизма как поляков, так и русских чиновников и военных. Сами же поляки страдали от произвола русских властей, стремившихся их русифицировать. Именно в русификации видело правительство цель проводимых в Царстве Польском реформ. Еще с мая 1870 года во всех здешних гимназиях преподавание стало вестись на русском языке.

Константин Игнатьевич в русификаторстве не преуспел, а мздоимство своих подчиненных пресекал. Последствия не заставили себя долго ждать. Надежда Константиновна свидетельствует: «Вскоре на отца посыпались всякие анонимные доносы, он был признан неблагонадежным, уволен без объяснения причин и предан суду (на него взвели 22 преступления: говорит по-польски, танцует мазурку, не зажжена была в царский день (т. е. в день именин Александра II. – Б. С.) в канцелярии иллюминация, не ходит в церковь и т. д.) без права поступления на государственную службу». Замечу, что из этого рассказа не очень-то понятно, за что же именно осудили Крупского: за то, что танцевал мазурку, или за то, что в церковь не ходил? Оказывается, умолчание тут неслучайно.

Константина Игнатьевича осудили за то, что он без разрешения губернского начальства провел в своем уезде сельскохозяйственную перепись. Это было квалифицировано как превышение власти и повлекло за собой обвинительный приговор и запрещение коллежскому асессору Крупскому занимать любые должности на государственной службе, а также проживать в Москве и Санкт-Петербурге. Почему же столь невинный, в сущности, поступок обернулся для отца Надежды Константиновны фактическим «запретом на профессию»? В советское время на этот вопрос отвечали просто: проведение переписи было, ни много ни мало, революционным актом! Константин Игнатьевич-де выполнял... постановление конференции I Интернационала о проведении статистической переписи сельскохозяйственных рабочих. Правда, какая уж такая корысть Интернационалу от данных всего по одному польскому уезду? Ведь в других уездах Российской империи он, Интернационал, подобных переписей как будто никому проводить не поручал? И неужели сельскохозяйственные переписи – столь крамольная вещь, что проводить их могут только революционеры? Неужто власти их никогда не проводили?

Думаю, все «дело» коллежского асессора Крупского стало порождением двух факторов: российской бюрократической системы и ненависти рядовых чиновников к тем начальникам, кто пытался покуситься на их «священное право» брать взятки. Чиновники в анонимках старались не забыть ни одного преступления Константина Игнатьевича, подлинного или мнимого, в надежде что количество в конце концов перейдет в качество и нелюбимого начальника все-таки уберут. Отсюда и совершенно анекдотические обвинения, вроде того, что мазурку танцует и польский язык учит. Почему бы уездному начальнику в Варшавской губернии и не выучить польский язык. И кто может уверенно доказать, ходит Крупский в церковь или нет? Недаром на суде, состоявшемся в 1873 году, 21 из 22 пунктов обвинения отпал. Осталась только несчастная перепись. Любопытно, что несколько лет спустя, когда дело бывшего уездного начальника рассматривалось в высшей судебной инстанции – Сенате, прокурор, стремясь доказать обоснованность приговора, выдвинул версию, будто перепись Крупский провел в интересах и за деньги польских помещиков. А историки-марксисты столетие спустя убеждали почтеннейшую публику, что Константин Игнатьевич, наоборот, действовал исключительно в интересах сельского пролетариата и крестьян.

Когда человека за одно и то же деяние критикуют и «справа», и «слева», логично предположить, что на самом деле он не принадлежал целиком ни к одному из двух лагерей и действовал, руководствуясь собственными соображениями. Скорее всего, Константин Игнатьевич провел перепись по собственной инициативе, чтобы упорядочить сбор налогов. В этом могли быть заинтересованы и помещики, и крестьяне. А вот чиновникам перепись была совсем не нужна, так как сужала поле для злоупотреблений и связанных с ними доходов. Запутанность бюрократической регламентации позволяла обвинить Крупского в превышении власти, поскольку очень трудно было определить, имел ли право уездный начальник своей властью проводить сельскохозяйственную перепись, или нет.

Байка же о том, будто отец Надежды Константиновны действовал по поручению I Интернационала, родилась после Октябрьской революции, когда потребовалось «углубить» революционную родословную вдовы основателя партии большевиков. Сама Крупская в короткой автобиографической повести «Моя жизнь», впервые вышедшей в свет в 1925 году, о политических взглядах отца говорила еще очень осторожно: «В те времена среди офицерства было много недовольных. Отец всегда очень много читал, не верил в бога, был знаком с социалистическим движением Запада. В доме у нас постоянно, пока был жив отец, бывали революционеры (сначала нигилисты, потом народники, потом народовольцы); насколько сам отец принимал участие в революционном движении, я судить не могу. Он умер, когда мне было 14 лет, а условия тогдашней революционной деятельности требовали строгой конспирации; революционеры о своей работе говорили поэтому мало. Когда шел разговор о революционной работе, меня обычно усылали что-нибудь купить в лавочке или давали какое-нибудь другое поручение. Все же разговоров революционных я наслушалась достаточно». И памятный день 1 марта 1881 года, когда бомба террориста оборвала жизнь царя-Освободителя, Надежда Константиновна описала довольно спокойно: «Я живо помню вечер 1 марта 1881 года, когда народовольцы убили бомбой царя Александра II. Сначала пришли к нам наши родственники, страшно перепуганные, но не сказали ничего. Потом впопыхах влетел старый товарищ отца по корпусу, военный, и стал рассказывать подробности убийства, как взорвало карету, и проч. «Я вот и креп на рукав купил», – сказал он, показывая купленный креп. Помню, я удивилась тому, что он хочет носить траур по царю, которого всегда ругал. А потом еще вот что подумала. Этот товарищ отца был очень скупой человек, и я подумала: «Ну, если он разорился, креп купил, значит, правду рассказывает». Я всю ночь не спала. Думала, что теперь, когда царя убили, все пойдет по-другому, народ получит волю. Однако так не вышло». А вот в следующем издании «Моей жизни», вышедшем в 1930 году, уже прямо утверждалось: «...В этот день 1 марта пришли к нам домой товарищи отца по корпусу навестить и поздравить Константина Игна-

тьевича». Советские же историки позднее вообще стали говорить, будто отец Надежды Константиновны узнал о готовящемся убийстве царя еще накануне покушения, т. е. получается, чуть ли не был тайным соучастником Желябова и Перовской. Эту ерунду и опровергать-то не стоит. А в 1938 году Крупская прямо утверждала: «Мой отец был революционер». Правда, тут же пояснила, в чем именно это выразилось: «Он хотел, чтобы я дружила с ребятами других национальностей».

Надя действительно дружила с мальчиками и девочками из польских, еврейских, даже татарских семей. После уплаты разорительных судебных издержек семья Крупских переехала в Варшаву. Как вспоминала Надежда Константиновна: «Я рано выучилась ненавидеть национальный гнет, рано поняла, что евреи, поляки и другие народности ничуть не хуже русских... Я рано поняла, что такое самовластие царских чиновников, что такое произвол». Свою жизнь в польской столице она описывала следующим образом: «...Я играла во дворе с ребятами польскими, еврейскими, татарскими. Мы очень дружно играли, нам было очень весело, мы угощали друг друга чем могли. Татарские ребята водили меня в палатку во дворе, где жили их родители – они работали на стройке, – и угощали меня кониной, которая показалась мне очень вкусной. Еврейский мальчик был постарше меня года на три, он очень хорошо обращался со мной, я его очень любила, он угощал меня хлебом со смальцем. Польские ребята угощали меня «тястечками» – пирожными. Я не помню, чем я их угощала, но жили мы очень дружно и весело... Когда я стала постарше и слышала, как обижают детей евреев, не пускают их в общественные сады, не пускают учиться, как притесняют поляков, я очень возмущалась».

Потеряв место на государственной службе, отец вынужден был наниматься на частные заводы и фабрики управляющим или ревизором. Работал также страховым агентом, вел по поручению истцов различные судебные дела... Семья Крупских вынуждена была часто переезжать из города в город – туда, где Константину Игнатьевичу удавалось найти работу. Когда Наде было пять лет и отец пока еще безуспешно искал место, о своей бывшей гувернантке вспомнила помещица Русанова и пригласила ее с дочкой отдохнуть летом в имении. К тому времени девочка уже была наслышана от отца и матери, «какое это было зверье» – помещики. Боюсь, что в данном случае Елизавета Васильевна и Константин Игнатьевич руководствовались не столько собственным опытом, сколько повторяли мнение, сложившееся в среде демократической интеллигенции – так называемых «шестидесятников». Над ними довлел стереотип самодура-крепостника, истязавшего крестьян. Помещица Русанова такой наверняка не была и, как видим, в трудную минуту по собственной инициативе помогла бывшей своей гувернантке. Однако в Русаново Надя приехала с уже сложившимся предубеждением против всех помещиков на свете. Вела она себя подчеркнуто вызывающе. «Я... скандалила, не хотела ни здороваться, ни прощаться, ни благодарить за обед, так что мама была радашенька, когда за нами приехал отец и мы уехали...» – признавалась Надя полвека спустя. Думаю, что Елизавете Васильевне было стыдно за дочь. Зато Надежда Константиновна в «Моей жизни» рассказала об этом эпизоде без тени смущения, а свое поведение ставила в пример подрастающему поколению – как образец подлинно революционной морали.

На обратном пути произошел инцидент, глубоко запавший в душу пятилетней девочке. Вот что запомнилось Крупской: «...Когда мы ехали из Русанова в кибитке (дело было зимой) (выходит, что гостеприимством доброй помещицы мать и дочь Крупские пользовались целых полгода! – Б. С.), нас чуть не убили дорогой крестьяне, приняв за помещиков, избили ямщика и сулили опустить в прорубь (надо полагать, ледяное купание думали устроить все же только ямщику, а не пассажирам. – Б. С.). Отец не винил крестьян, а потом в разговоре с матерью говорил о вековой ненависти крестьян к помещикам, о том, что помещики эту ненависть заслужили. В Русанове я успела подружиться с деревенскими ребятами и бабами, меня ласкавшими, я была на стороне крестьян». Так рассказано об этом случае в «Моей жизни». Позднее в одной из статей Надежда Константиновна дала более развернутую версию происшествия, едва не кон-

чившегося трагедией: «Мы ехали через село, навстречу едет крестьянин с дровнями и везет пустой гроб. Мы ехали на тройке. И вот тройка не могла свернуть, и ямщик боком задел этот гроб. Я помню, как крестьянин избивал в кровь ямщика и говорил: «Ты барский кучер, барский холоп. Надо и тебя и бар, которых ты везешь, в проруби надо утопить». В чем дело, я не понимала, но запомнились мне слова отца: «Вот она, вековая ненависть крестьян к помещикам».

На этом примере хорошо видно, как рождаются пропагандистские мифы. В предназначенной прежде всего детям повести «Моя жизнь» Крупская использовала частный случай, которому была очевидцем, для общей апологии классовой ненависти крестьян к помещикам. В результате один мужик превратился в группу крестьян, ни с того ни с сего набросившихся на проезжающих только потому, что те выглядели как «баре». И топить несчастного кучера и его пассажиров в проруби на самом деле никто не собирался. Просто разошедшийся не на шутку владелец гроба в сердцах обрушил на голову противника все мыслимые и немыслимые проклятья. С тем же успехом он мог бы воскликнуть: «Да чтоб вы все сгорели!» Слава богу, в тот момент ни одно из этих пожеланий-проклятий осуществить на практике не представлялось возможным. Но через какие-нибудь сорок с небольшим лет, благодаря революции, творцом которой стал знаменитый супруг Надежды Константиновны, эти угрозы материализовались в жуткую российскую действительность. И «красного петуха» помещикам пускали, и в прорубях топили вместе с женами, детьми и немногими верными слугами, и «красный террор» в стране ввели такой, что самодержавию и не снился. И от того террора крестьяне страдали лишь немногим меньше дворян.

На самом деле происшествие с ямщиком скорее можно было объяснить причинами не классовыми, а бытовыми и психологическими. Раз мужик вез пустой гроб, можно предположить, что ему предстояло хоронить кого-то из близких (сына? жену? мать?). Кто был виноват в столкновении, ямщик или мужик, мы, конечно, никогда уже не узнаем. Может, вины кучера и не было. Но крестьянин, явно находившийся в расстроенных чувствах, излил на нерасторопного ямщика всю накопившуюся злость, обиду на жизнь, а заодно, по привычке, и «господ» припечатал – за то, что хорошо живут на крестьянском поту и слезах.

Не меньшую ненависть, чем к помещикам, Надя с ранних лет испытывала и к буржуазии. Призналась в «Моей жизни»: «Также рано (мне было тогда 6 лет) научилась я ненавидеть фабрикантов. Отец служил ревизором в Угличе на фабрике Говарда и часто говорил о всех тех безобразиях, которые там делались, о тяжелой жизни рабочих и т. п. ... Потом я играла с ребятами рабочих, и мы ладили из-за угла швырнуть комом снега в проходившего мимо управляющего». Похоже, ни тогда, ни годы спустя Крупская даже не задумалась: а чем, собственно, ставший жертвой ребяческой шалости управляющий отличался от ее отца? Да и фабриканты бывали разные. Кстати сказать, писчебумажной фабрикой в Угличе Константин Игнатьевич занимался по поручению ее владельцев братьев Варгуниных. Даже советские историки уверяют, что были они людьми культурными, не чуждыми либеральных взглядов. А со старшим из братьев, Константином Александровичем, Крупского познакомил один из его товарищей-народников. Вряд ли фабриканты с таким мировоззрением сами могли творить над рабочими какие-либо безобразия и бездумно драться с ними три шкуры. Другое дело, что Угличской фабрикой управляли не сами Варгунины, а их компаньон англичанин Говард. Россию он рассматривал лишь как место для получения быстрой наживы и эксплуатировал рабочих сверх всякой меры. И в отчете Константин Игнатьевич нарисовал неприглядную картину. Тут и финансовые злоупотребления, и форменное издевательство Говарда над рабочими и работницами (последние нередко становились объектами сексуальных домогательств со стороны сластолюбивого управляющего).

Ничего дурного нельзя было сказать и о других нанимателях Крупского – помещиках Косяковских. Константин Игнатьевич должен был привести в порядок принадлежавший им писчебумажный завод и заодно получил возможность отправить жену и дочь на лето в имение

Косяковских в Псковскую губернию. Сначала Наде пришлось ехать туда одной. Эту поездку она запомнила очень хорошо: «Я немножко стеснялась чужих людей, но ехать на лошадях было чудесно; ехали лесом и полями; на пригорках уже цвели иммортели, пахло землей, зеленой. Первую ночь меня уложили спать на какую-то шикарную постель в барской шикарной комнате. Было душно и жарко. Я подошла к окну, распахнула его. В комнату хлынул запах сирени; заливаясь, щебикал соловей. Долго я стояла у окна. На другое утро я встала раненько и вышла в сад, спускавшийся к реке. В саду встретила я молоденькую девушку лет восемнадцати, в простеньком ситцевом платье, с низким лбом и темными выющимися волосами. Она заговорила со мной. Это была... местная учительница Александра Тимофеевна, или, как ее звали, Тимофейка. Минут через десять я уже чувствовала себя с Тимофейкой совсем просто, точно с подругой, и болтала с ней о всех своих впечатлениях». После этой встречи десятилетняя девочка решила стать учительницей. И в жизни у нее оказалось два главных дела – революция и педагогика. В образе Александры Тимофеевны Яворской соединилось и то, и то. Крупская вспоминала: «...Я хвостом бегала за молоденькой учительницей, народоволкой, влюбленной в свою школу. К деревенским ребятам она относилась как к равным, обо всем говорила с ними всерьез... Я подружилась с ребятами, а в Тимофейке... души не чаяла. Зимой, сидя в классе, я все рисовала домики с вывеской «Школа» и думала о том, как я буду сельской учительницей... Зимой я узнала, что Тимофейку арестовали. Два года провела она в Псковской тюрьме, в камере без окна. Могла ли я тогда не сочувствовать революционерам?»

Тимофейка подружилась и с отцом Нади. Говорила ему: «Меня тревожит, как Надя прямо глотает книги, не привело бы это к поверхностности». Константин Игнатьевич успокоил: «Плохих книг моя дочь не читает. Принуждать детей читать именно эту, а не другую книгу, нельзя. Поверьте, ребенок книгу почувствует. Хорошую книгу запомнит, а плохую забудет». По иронии судьбы, Крупская, будучи заместителем наркома просвещения, много сделала для того, чтобы дети читали одни «идеологические» книги и ни в коем случае не читали другие, «вредные». В 20-е годы даже Пушкин исчез из школьных библиотек.

В свою первую школу Надя пошла в Киеве. Школьное здание располагалось в центре города, на Крещатике. Занятия девочку не увлекли. Скуку наводили уроки Закона Божьего и французские стихи, которые заставляли декламировать наизусть. Когда Крупские жили в Киеве, грянула русско-турецкая война. На Надю это событие произвело большое впечатление. «Я нагляделась на патриотический угар, наслышалась о зверствах турок, но я видела израненных пленных, играла с пленным турчком и находила, что война – самое вредное дело. Потом отец повел меня на выставку картин Верещагина, где было изображено, как штабные, во главе с каким-то великим князем, в белых кителях, из безопасного местечка рассматривали в бинокль, как умирали солдаты в схватке с врагом. И хотя тогда я не умела еще осознать, но потом, будучи уже взрослой, я была всем сердцем с армией, отказавшейся вести дальше империалистическую войну».

То, что девочка еще в детстве получила мощный заряд пацифизма, осознала бесчеловечность войны, можно только приветствовать. Однако в дальнейшем пацифизм был принесен в жертву революционной целесообразности. Империалистическую войну Крупская, как и все большевики, отвергала и осуждала. Зато Гражданскую войну принимала как меру, необходимую для подавления сопротивления «эксплуататоров». И бессудную казнь царя, большинства великих князей и княгинь, их жен и детей, санкционированную Лениным, Надежда Константиновна не осудила.

Апелляция Константина Игнатьевича на приговор Варшавского суда несколько лет путешествовала по инстанциям. Чтобы дать делу ход, требовалась чья-то влиятельная протекция. Тут помог старший брат Александр Игнатьевич, в отличие от младшего, после окончания академии сделавший успешную карьеру. Он дослужился до чина действительного статского советника – гражданского генерала и стал прокурором Новгородской губернии. Благодаря хлопотам

там брата дело коллежского асессора Крупского в конце концов было назначено к слушанию в сенате на 28 апреля 1880 года. За полгода до этого Константин Игнатьевич отправил в Петербург жену с дочерью: Наде надо было поступать в гимназию. Поскольку отец все еще не имел права жительства в столице, в графе, кто платит за обучение, девочка вынуждена была написать: «Мать, Е. В. Крупская». Одноклассницы и учителя смотрели на нее косо, подозревали, что незаконнорожденная.

Сенат полностью оправдал Константина Игнатьевича. Напрасно прокурор пытался утверждать, что злополучную перепись Крупский проводил за взятку от польских помещиков. Сильно помог благоприятному для Константина Игнатьевича исходу дела сенатор граф Федор Павлович Тизенгаузен. Он сумел сагитировать своих коллег принять положительное решение. В семействе Крупских сохранилось предание, будто благодушие графа объяснялось тем, что накануне его скаковая лошадь взяла первый приз, и Тизенгаузен прибыл на заседание после банкета, в очень веселом расположении духа. Думаю, случившееся скорее можно объяснить знакомством с сенатором Александра Игнатьевича.

В сенатском постановлении говорилось: «Признавая подсудимого невиновным в превышении власти, Правительствующий Сенат на основании 1-го пункта 771 статьи Устава Уголовного суда, определяет: бывшего начальника Гроецкого уезда коллежского асессора Крупского считать по суду оправданным и приговор Варшавской судебной палаты отменить». Теперь Константин Игнатьевич смог, наконец, поселиться в Петербурге. Однако здоровье его было уже основательно подорвано быстро прогрессирующим туберкулезом легких. И возвратиться на государственную службу коллежский асессор Крупский смог не сразу: в Петербурге трудно было найти место судейского чиновника.

Уже после оправдательного приговора он успел привести в порядок дела на писчебумажной фабрике Косяковских в Псковской губернии (там Надя и познакомилась с Тимофеевкой). Устроиться на службу помог брат. Он поддерживал Крупских и материально. Надю перевели из государственной гимназии, где ей не нравились учителя и где застенчивой девочке, по ее собственному признанию, «было очень скучно и одиноко», в частную гимназию Оболенской. В этой гимназии Наде понравилось, и о тамошних преподавателях она тепло отзывалась всю жизнь. При содействии Александра Игнатьевича семья Константина Игнатьевича переехала в более просторную квартиру. Но жить там пришлось недолго. 25 февраля 1883 года Константин Игнатьевич скончался. «Трудно придется вам, милые мои», – были его последние слова, обращенные к жене и дочери. Похоронили отца на кладбище Новодевичьего монастыря у Московской заставы. Похороны оплатил Александр Игнатьевич, всего на несколько месяцев переживший брата. И его сгубила чахотка.

Пенсия за отца была небольшая. Елизавета Васильевна и Надя с трудом сводили концы с концами. Приходилось сдавать одну из комнат. Надя начала зарабатывать уроками. Отношения с матерью поначалу складывались непросто. Надежда Константиновна вспоминала: «Мама была очень хорошим, живым человеком, но смотрела на меня, как на ребенка. Я очень упорно отстаивала свою самостоятельность. Только позднее, когда у нас установились отношения равенства, мы стали жить очень дружно».

Выпускные экзамены Надя сдала превосходно. Как отмечалось в решении педагогического совета: «Надежда Крупская на окончательных испытаниях показала во всех предметах успехи отличные. В среднем выводе имеет 5. Из необязательных предметов занималась французским языком с успехами отличными». Она была удостоена золотой медали и осталась в гимназии, чтобы окончить 8-й дополнительный класс, так называемый «педагогический». Первая в жизни мечта исполнилась: в 1887 году Надежда получила диплом домашней учительницы со специализацией по русскому языку и математике. Ей удалось получить место в училище Пospelовой, где девушки обучались шитью. Кроме того, вечерами Крупская занималась с гимназистками из своей прежней гимназии. Как педагога, ее ценили. Даже выдали удостоверение,

где отмечалось: «Успехи ее учениц свидетельствуют о выдающихся педагогических способностях ее, основательности ее познаний и крайне добросовестном отношении к делу».

Вот только у сильного пола Надя не пользовалась популярностью. Ее гимназическая подруга красавица Ариадна Тыркова свидетельствовала: «У меня уже шла девичья жизнь. За мной ухаживали. Мне писали стихи. Идя со мной по улице, Надя иногда слышала восторженные замечания обо мне незнакомой молодежи. Меня они не удивляли и не обижали. Мое дело было пройти мимо с таким независимым, непроницаемым видом, точно я ничего не слышу... Надю это забавляло. Она была гораздо выше меня ростом. Наклонив голову немного набок, она сверху поглядывала на меня, и ее толстые губы вздрагивали от улыбки, точно ей доставляло большое удовольствие, что прохожий юнкер, заглянув в мои глаза, остановился и воскликнул: «Вот так глаза... Чернее ночи, яснее дня...»

Надя этих соблазнов не знала. В ее девичьей жизни не было любовной игры, не было перекрестных намеков, взглядов, улыбок, а уж тем более не было поцелуйного искушения. Надя не каталась на коньках, не танцевала, не ездила на лодке, разговаривала только со школьными подругами да с пожилыми знакомыми матери. Я не встречала у Крупских гостей».

Недостаток личной жизни Надежда компенсировала тягой к знаниям и вниманием к общественной жизни. В эти годы она продолжала много читать, причем книги отнюдь не женские, вроде «Истории воздухоплавания» или «Нидерландской революции». Посещала знакомых отца, старых народовольцев. Однажды Надя задала одному из них, много лет просидевшему в тюрьмах, извечный российский вопрос: что делать? Узнавший, почем фунт лиха, бывший тюремный сиделец стал развивать перед девушкой теорию «малых дел». Это значило – заботиться о просвещении народа, преподавая в школах, заботиться о его здоровье, работая врачами и сестрами милосердия в земских больницах. Вот только самодержавие не стоит пытаться свергать. Позднее Крупская вспоминала: «Тоской веяло от его советов и от всех этих бывших людей; люди они были хорошие, но с вынужденной душой. Я была подростком, но отлично видела это».

Нетерпение юности привело вчерашнюю гимназистку к марксистам, которые твердо знали, как дать народу лучшую долю. Осенью 1889 года Надя поступила на только что открывшиеся в Петербурге Бестужевские высшие женские курсы, на математическое отделение. Но любовь к русскому языку тоже сохранилась: Крупская посещает лекции на филологическом факультете. На курсах она встретила свою старую подругу Ольгу Витмер. Та и привела Надежду в кружок студентов-технологов Михаила Ивановича Бруснева, одного из первых русских марксистов. Здесь Крупская познакомилась с «Капиталом» Маркса, рукописной копией работы Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». А чтобы одолеть «Анти-Дюринг» того же автора, Надя самостоятельно изучила немецкий.

Студенты стремились распространять марксизм среди рабочих. По рекомендации Николая Александровича Варгунина, на фабрике которого в свое время служил отец, Крупская устроилась преподавать в устроенной фабрикантом Смоленской вечерней рабочей школе за Невской заставой. Занятия проходили три раза в неделю. Пропаганду Надежда вела на уроках географии. Рассказывала о положении рабочих в разных странах, об их борьбе за свои права. Здесь же молодая учительница знакомила своих взрослых учеников с основами атеизма, примерами из астрономии и с помощью эволюционной теории Дарвина доказывала, что Бога нет. Сама она давно уже Бога отринула, хотя в детстве вера была не чужда ей. Когда Наде было лет восемь, нянька-полька часто водила ее в костел. А перед сном девочка молилась, стоя на коленях у кровати. Как-то раз в комнату к дочери заглянул Константин Игнатьевич, чуть насмешливо сказал: «Ложись спать, богомолка, хватит грехи замаливать». Эти слова любимого отца потрясли Надю. Значит, он в Бога не верит. Значит, Бога нет. И очень скоро она стала убежденной атеисткой. А теперь Крупская по отношению к своим ученикам выступала в той же роли проповедника неверия. И достигла на этом поприще немалых успехов.

Рабочие очень любили своих учительниц, относились к ним как к родным. Надежда Константиновна свидетельствовала: «Мрачный сторож Громовских лесных складов с просиявшим лицом докладывал учительнице, что у него сын родился; чахоточный текстильщик желал ей за то, что выучила грамоте, удалого жениха (жених действительно оказался удалой, да еще какой – сторож как в воду глядел! – *Б. С.*); рабочий-сектант, искавший всю жизнь бога, с удовлетворением писал, что только на страстной узнал от Рудакова (другого ученика школы), что бога вовсе нет, и так легко стало, потому что нет хуже, как быть рабом божьим, – тут тебе податься некуда, рабом человеческим легче быть – тут борьба возможна; напивавшийся каждое воскресенье до потери человеческого облика табачник, так насквозь пропитанный запахом табака, что, когда наклонился к его тетрадке, голова кружилась, писал каракулями, пропускающая гласные, – что вот нашли на улице трехлетнюю девчонку, и живет она у них в артели, надо в полицию отдавать, а жаль; приходил одноногий солдат и рассказывал, что Михайла, который у вас прошлый год грамоте учился, надорвался над работой, помер, а, помирая, вас вспоминал, велел поклониться и жить долго приказал; рабочий-текстильщик, горой стоявший за царя и попов, предупреждал, чтобы «того, черного, остерегаться, а то он все на Гороховую шляется» (на Гороховой улице находилось Охранное отделение. – *Б. С.*); пожилой рабочий толковал, что никак он из церковных старост уйти не может, «потому что больно попы народ обдывают и их надо на чистую воду выводить, а церкви он совсем даже не привержен и насчет фаз развития понимает хорошо», и т. д. и т. п.».

Прошло каких-нибудь четверть века, и место Бога в сознании безвестного рабочего-сектанта и миллионов других рабочих и крестьян безраздельно занял «удалой жених» Крупской. Очень скоро они на своей шкуре почувствовали, что быть рабом Советской власти куда хуже, чем оставаться просто рабом Божьим, и что коммунисты «обувают народ» почище попов, которые, признаем, тоже далеко не всегда являли собой образец нравственности и порой напивались «до потери человеческого облика», не хуже запомнившегося Крупской рабочего-табачника. Православие, еще при Петре I обюрократившееся, получившее в пастыри своеобразное «министерство по делам религии» – Священный синод, себя дискредитировало. Народ нуждался в новой вере. Коммунисты ему такую веру дали. И в сонме святых этой гражданской религии Надежде Константиновне уготовано было свое место – единственной подруги Бога-Вождя и его безутешной вдовы, Главной хранительницы памяти о «самом человечном из людей».

Крупская продолжала посещать кружок Бруснева, участвовала в организованной им первой маевке в России 1 мая 1891 года. Однако в следующем году Михаил Иванович был арестован и получил шесть лет тюрьмы. Но кружок не распался. В него продолжали вербовать рабочих – учащихся Смоленской школы. Крупская тепло вспоминала о своих подопечных: «Ученики были на подбор, и о многом мы с ними говорили. Потом все в разные сроки были арестованы, все вошли в движение».

Тем временем в Петербург прибыл тот, с кем Наде суждено было соединить свою жизнь навек. Владимир Ульянов был на год младше 24-летней Крупской, но среди друзей-марксистов пользовался немалым авторитетом как большой знаток Марксова «священного писания» и потому удостоился почтительной клички «Старик». Надежда Константиновна так рассказывала о знакомстве с будущим мужем: «Владимир Ильич приехал в Питер осенью 1893 года, но я познакомилась с ним не сразу. Слышала я от товарищей, что с Волги приехал какой-то очень знающий марксист... Хотелось поближе познакомиться с этим приезжим, узнать поближе его взгляды».

Увидела я Владимира Ильича лишь на Масленице (в феврале 1894 года. – *Б. С.*). На Охте у инженера Классона, одного из видных питерских марксистов, с которым я года два перед тем была в марксистском кружке, решено было устроить совещание некоторых питерских марксистов с приезжим волжанином. Ради конспирации были устроены блины... Кто-то сказал,

что очень важна вот работа в комитете грамотности. Владимир Ильич засмеялся, и как-то зло и сухо звучал его смех – я потом никогда не слыхала у него такого смеха: «Ну, что ж, кто хочет спасти отечество в комитете грамотности, что ж, мы не мешаем»... Злое замечание Владимира Ильича было понятно. Он пришел сговариваться о том, как идти вместе на борьбу, а в ответ услышал призыв распространять брошюры комитета грамотности».

Вот такое вот знакомство на «конспиративных блинах». И смех любимого человека запомнился Наде не в связи с каким-нибудь романтическим разговором, столь естественным для первой влюбленности, а из-за острой полемики: каким путем идти. Но близкое знакомство было еще впереди.

Как кажется, для Нади это был первый роман. Виной ли тому не слишком удавшаяся внешность, или горячее увлечение революцией, не оставлявшее места ничему другому, или некоторая неразвитость чувств, мы не знаем. А вот у Володи до Крупской уже была по крайней мере одна влюбленность. Он ухаживал и даже сватался к ее подруге Аполлинарии Якубовой, также присутствовавшей на памятной Масленице. Но Аполлинария Владимиру вежливо, но твердо отказала. Впоследствии она оказалась среди меньшевиков, а после 1917 года эмигрировала. Как знать, прими Якубова предложение Ульянова, и будущему вождю Октябрьской революции пришлось бы пережить душевную драму непримиримых политических разногласий и разрыва с женой. Нет сомнения, что Ленин мог жениться только на единомышленнице. Владимир Ильич и к Аполлинарии сватался потому, что она в ту пору была такой же марксисткой, как и он сам. Будь любимая женщина к политике безразлична или, тем более, придерживаясь она взглядов, в корне отличных от ленинских, никакое чувство, я уверен, не заставило бы вождя большевиков соединиться с ней.

Позднее Наде стало понятно, почему Володя был так резок в споре. Она приводит его рассказ, какой была реакция в Симбирске на арест старшего брата Александра за подготовку цареубийства: «Все знакомые отшатнулись от семьи Ульяновых, перестал бывать даже старичок учитель, приходивший раньше постоянно играть по вечерам в шахматы... Матери Владимира Ильича надо было ехать на лошадях до Сызрани, чтобы добраться до Питера, где сидел сын. Владимира Ильича послали искать попутчиков – никто не захотел ехать с матерью арестованного». Казнь горячо любимого брата Саши и остракизм, которому подверглась семья Ульяновых, потрясли Владимира на всю жизнь, сделали из него убежденного и непримиримого борца с монархией. Ни на какие компромиссы Ленин здесь не соглашался.

Надежда Константиновна вспоминала: «Владимир Ильич очень любил брата. У них было много общих вкусов, у обоих была потребность долго оставаться одному, чтобы можно было сосредоточиться. Они жили обычно вместе, одно время в особом флигеле, и когда заходил к ним кто-либо из многочисленной молодежи – двоюродных братьев или сестер, – у мальчиков была излюбленная фраза: «Осчастливьте своим отсутствием»... Судьба брата обострила работу его мысли, выработала в нем необычайную трезвость, умение глядеть правде в глаза, не давать себя ни на минуту увлечь фразой, иллюзией, выработала в нем величайшую честность в подходе ко всем вопросам».

Насчет честности любящая жена, пожалуй, немножко спутала определения. Ленин, когда надо было для дела, не раз обманывал и товарищей по партии, и население России, и мировую общественность. Недаром в народе его наградили меткой кличкой Лукич. То, что Крупская называла «величайшей честностью», скорее заслуживает другого определения – цинизм.

Что удивительно, власти до поры до времени сквозь пальцы смотрели на почти открытую пропаганду в воскресно-вечерней школе. Надежда Константиновна признавалась: «Говорить в школе можно было, в сущности, обо всем, несмотря на то, что в редком классе не было шпика; надо было только не употреблять страшных слов «царь», «стачка» и т. п., тогда можно было касаться самых основных вопросов. А официально было запрещено говорить о чем бы то ни было: однажды закрыли так называемую повторительную группу за то, что там, как устано-

вил нагрянувший инспектор, преподавали десятичные дроби, разрешалось же по программе учить только четырем правилам арифметики». Начальство оберегало рабочих от десятичных дробей, зато проникновению марксизма в рабочую среду практически не препятствовало. После 1917 года Ленин и Крупская учли неудачный опыт царского правительства, и никаких вольностей по части «идеологической выдержанности» преподавания в советской школе не допускали.

Знакомство Крупской и Ульянова развивалось. Дадим слово Надежде Константиновне: «Я жила на Старо-Невском, и Владимир Ильич по воскресеньям, возвращаясь с занятий в кружке, обычно заходил ко мне, и у нас начинались бесконечные разговоры. Я была в то время влюблена в школу (в Ильича, видно, еще не была влюблена. — Б. С.), и меня можно было хлебом не кормить, лишь бы дать поговорить о школе, об учениках, о фабриках и заводах... Владимир Ильич интересовался каждой мелочью, рисовавшей быт рабочих, по отдельным черточкам старался охватить жизнь рабочего в целом, найти то, за что можно ухватиться, чтобы лучше подойти к рабочему с революционной пропагандой». Неизвестно, только ли о школах и пропаганде говорили между собой молодые люди. Видно, неслучайно именно к Крупской регулярно заходил «волжанин-марксист».

Между тем, активность кружков наконец попала в поле зрения полиции. Ульянов учил своих товарищей конспирации: как уйти от слежки, пользуясь проходными дворами, как писать в книгах между строк невидимыми химическими чернилами, придумывал всем клички. Его увлекала эта игра. За Крупской слежки как будто не было. Поэтому Ульянов предложил назначить ее «наследницей» — передать на хранение архив организации. Надежда Константиновна рассказывала об этом с иронией: «В первый день пасхи нас человек 5–6 поехало «праздновать пасху» в Царское Село к одному из членов нашей группы... Ехали в поезде как незнакомые. Чуть не целый день просидели над обсуждением того, какие связи надо сохранить. Владимир Ильич учил шифровать. Почти полкниги исшифровали. Увы, потом я не смогла разобрать этой первой коллективной шифровки. Одно было утешением: к тому времени, когда пришлось расшифровать, громадное большинство «связей» уже провалилось».

Никакие ухищрения не помогли. В декабре 1895 года большинство членов только что созданного Владимиром Ульяновым и Юлием Мартовым «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» было арестовано. Крупской посчастливилось остаться на свободе. Она передавала Владимиру Ильичу в тюрьму книги и продовольственные передачи. В книгах незаметно для непосвященных накалывала нужные буквы или писала между строк не видимые невооруженным глазом письма молоком. Это не были признания в любви: Надежда Константиновна сообщала о том, что делают уцелевшие члены «Союза», что известно о других арестованных. Ильич, в свою очередь, в ответных посланиях давал поручения насчет других узников: «к такому-то никто не ходит, надо подыскать ему «невесту», такому-то передать на свидании через родственников, чтобы искал письма в такой-то книге тюремной библиотеки на такой-то странице, такому-то достать теплые сапоги...» Возможно, в тот момент Надю он рассматривал уже как свою настоящую невесту. Однажды даже просил ее и Аполлинарию Якубову в час тюремной прогулки прийти на тот участок Шпалерной улицы, что был виден из окон тюремного замка. Очень уж хотел Ульянов их увидеть. Аполлинария так и не пришла, видно, чтобы не будить у отвергнутого жениха напрасные надежды. А Надя пришла. Но, как назло, по какой-то причине в тот раз заключенных на прогулку не выводили.

12 августа 1896 года арестовали и Крупскую. На допросах она все отрицала, серьезных улик у полиции не было, и через месяц Надежду Константиновну выпустили. Однако вскоре кто-то из учащихся Смоленской школы показал, что Крупская была одним из организаторов нелегальных кружков, и 28 октября ее вновь арестовали.

Одинокое заключение на Надежду действует угнетающе. Да и тюремная пища явно не из ресторана. У Крупской начинает болеть желудок. Мать пишет прошение за прошением,

чтобы Надю выпустили на свободу до суда. Бьет на жалость чиновников департамента полиции: «Дочь моя вообще здоровья слабого, сильно нервна, страдает с детства катаром желудка и малокровием. В настоящее время нервное расстройство, а равно и общее дурное состояние здоровья, как я могла убедиться лично, настолько обострились, что внушают самые серьезные опасения. Я уверена, что каждый врач, которому поручено было бы исследование здоровья моей дочери, признал бы, что дальнейшее пребывание в заключении грозит ей самыми тяжелыми последствиями, а для меня возможностью потерять единственную дочь». 31 марта 1897 года Надежду Константиновну обследовал тюремный врач. Он признал, что узница «похудела, ослабла в результате расстройства пищеварения, не может заниматься умственным трудом ввиду нервного истощения». Но на поруки в тот раз не выпустили. Дальше, однако, случилось по поговорке: не было бы счастья, да несчастье помогло. Даже не несчастье, трагедия. Народоволка Мария Ветрова сожгла себя в Петропавловской крепости. Опасаясь, что, протестуя против тюремного режима, ее примеру последуют и другие женщины-политзаключенные, власти освободили нескольких революционеров, находившихся под следствием, в том числе и Крупскую. Из членов «Союза борьбы» на воле почти никого к тому времени не осталось. Надежде Константиновне присудили трехлетнюю ссылку в Уфимскую губернию. Ульянова же несколькими месяцами раньше сослали в село Шушенское Минусинского уезда Енисейской губернии. Крупская попросилась к Ильичу, заявив, что она – его невеста. Елизавета Васильевна отправилась вместе с дочерью.

Отмечу, что не все Ульяновы были в восторге от внешности невесты. Например, сестра Владимира Ильича Анна Ильинична. В феврале 1898 года Надежда Константиновна с некоторой обидой писала другой сестре своего жениха, Марии Ильиничне: «Поцелуйте А. И. и скажите ей, что нехорошо она делает, что меня так всюду рекомендует: Володе о моем селедочном виде написала, Булочке (Зинаиде Павловне Невзоровой, жене соратника Владимира Ильича по «Союзу борьбы» Глеба Максимилиановича Кржижановского и подруге Надежды Константиновны. – Б. С.) на мое лукавство пожаловалась...» Под «селедочным видом» подразумевалось прежде всего то, что у Крупской глаза были навывкате, как у рыбы, – один из признаков диагностированной позднее базедовой болезни. Ленин к этой особенности внешности будущей супруги относился с легкой иронией, присвоив Крупской соответствующие партийные клички: Рыба и Минога.

7 мая 1898 года Надежда Константиновна была уже в Шушенском. Вот что она вспоминала: «Мы приехали в сумерки; Владимир Ильич был на охоте. Мы выгрузились, нас провели в избу. В Сибири – в Минусинском округе – крестьяне очень чисто живут, полы устланы самодельными дорожками, стены чисто выбелены и украшены пихтой. Комната Владимира Ильича была хоть и невелика, но также чиста. Нам с мамой хозяева уступили остальную часть избы. В избу набились все хозяева и соседи и усердно нас разглядывали и расспрашивали. Наконец, вернулся с охоты Владимир Ильич. Удивился, что в его комнате свет. Хозяин сказал, что это Оскар Александрович (ссыльный питерский рабочий) пришел пьяный и все книги у него разбросал. Ильич быстро взбежал на крыльцо. Тут я ему навстречу из избы вышла. Долго мы проговорили в ту ночь».

Два месяца спустя, 10 июля, они с Владимиром Ильичом обвенчались в местной церкви. Разумеется, таинству брака революционеры никакого значения не придавали. Свершить обряд их вынудило то, что лишь церковный брак признавался в России законным. Позднее Надежда Константиновна так описывала сложившуюся ситуацию: «Мне разрешили поехать в Шушенское под условием повенчаться. По тогдашним законам, сопровождать мужей в ссылку могли лишь жены. Когда я жила в Шушенском, месяца через два пришла официальная бумажка с предложением повенчаться или ехать в Уфу. Мы посмеялись и повенчались. Были мы мужем и женой и хотели жить и работать вместе». А Ульянов писал матери 10 мая 1898 года: «Анюта (сестра. – Б. С.) спрашивала меня, кого я приглашаю на свадьбу: приглашаю всех вас, только

не знаю уж, не по телеграфу ли лучше послать приглашение!! Н. К., как ты знаешь, поставили трагикомическое условие: если не вступит немедленно (sic!) в брак, то назад в Уфу. Я вовсе не расположен допускать сие, и потому мы уже начинаем «хлопоты» (главным образом прошения о выдаче документов, без которых нельзя венчаться), чтобы успеть обвенчаться до поста (до петровок): позволительно же все-таки надеяться, что строгое начальство найдет это достаточно «немедленным» вступлением в брак?!»

Чтобы сочетаться с возлюбленной священными узами (обоими, впрочем, презираемыми), да еще «немедленно», как того требовало полицейское начальство, Владимир Ильич начал путешествие по кругам бюрократического ада, достойного пера Франца Кафки и сконструированного тем же самым начальством. Ульянов подал прошение Минусинскому окружному исправнику, добиваясь присылки разрешения («свидетельства») на вступление в брак, но ответа не получил. Пришлось 30 июня 1898 года обратиться к полицейскому начальнику Енисейской губернии: «Это непонятное промедление получает для меня особенное значение ввиду того, что моей невесте отказывают в выдаче пособия до тех пор, пока она не выйдет за меня замуж... Таким образом получается крайне странное противоречие: с одной стороны, высшая администрация разрешает по моему ходатайству перевод моей невесты в село Шушенское и ставит условием этого разрешения немедленный выход ее замуж; с другой стороны, я никак не могу добиться от местных властей выдачи мне документа, без которого вступление в брак не может состояться; и в результате всего виновной оказывается моя невеста, которая остается без всяких средств к существованию». Вскоре после этого разрешение было получено. Начальство убедилось, что «административно-ссылный» юридически подкован (недавно подписался как «помощник присяжного поверенного»), и волокита здесь ни к чему. Очевидно, Минусинский исправник просто рассчитывал получить взятку за требуемый документ. Но губернское начальство сочло, что тут поставлена под угрозу репутация «высшей администрации», и затягивать дело не стало. Кстати, боюсь, что в советское время аналогичное нелепое разрешение на что бы то ни было человек мог получать не два месяца, а и полгода, и год, и никакое юридическое образование ему бы не помогло. Возможно, царская бюрократия все же была милосерднее коммунистической. Да и законы до 1917 года, пусть и далекие от правового идеала, соблюдались лучше, чем после этой роковой для России даты.

Достать золотые обручальные кольца в Шушенском не было возможности, а съездить за ними в Минусинск не разрешил исправник. Выручил все тот же Оскар Александрович Энгберг, который действительно во хмелю был буен, но зато имел золотые руки. Добряк эстонец изготовил кольца из медного пятака.

Здесь мы на время оставим Надежду Константиновну в один из счастливейших дней ее жизни. Пора представить другую героиню нашего рассказа.

Инесса Арманд родилась пятью годами позднее Крупской и совсем в другой стране. 8 мая 1874 года в семье известного парижского оперного певца Теодора Стефана (по сцене – Пеше Эрбанвиля) произошло радостное событие. Его жена Натали родила девочку. В выписке из книги записей актов гражданского состояния префектуры 18-го округа Парижа говорится: «9 мая 1874 года в 3 часа 15 минут после полудня сделана запись в книге актов о рождении Элизы, девочки, родившейся вчера в два часа дня по улице де ля Шапель, 63, – дочери Теодора Стефана, оперного певца, в возрасте двадцати четырех лет, который признал ребенка, и Натали Вильд, не имеющей профессии, в возрасте двадцати четырех лет, не состоящих в браке». Позднее Теодор и Натали вступили в законный брак, обвенчавшись в церкви Святой Марии в маленьком английском городке Ньюингтоне. Как и мать, малышка была крещена в англиканскую веру под именем Инесса Елизавета.

Ее национальность определить затруднительно. Отец – француз. Мать, урожденная Вильд (Уайльд), – англичанка по отцу, француженка по матери. Иногда отца Натали называют шотландцем, но оснований для этого нет – ведь шотландцы редко бывают англиканского

вероисповедания. Должен заметить, что о родителях Инессы Арманд, в отличие от родителей Надежды Крупской, мы сегодня знаем немного. Родным языком для Инессы Елизаветы сначала стали французский и английский, но очень скоро она очутилась в России, где русский фактически сделался для нее третьим родным языком. И вместо Инессы Елизаветы дочь певца Теодора Стефана превратилась в Инессу Федоровну.

Этим переменам в ее судьбе предшествовали трагические события. Вскоре умер отец, оставив вдову с тремя детьми без средств к существованию. Чтобы заработать на жизнь, Натали сделалась учительницей пения, но денег все равно катастрофически не хватало. Чтобы облегчить бремя, свалившееся на молодую вдову, Инессу взяла на воспитание тетка, преподававшая в Москве в богатых семьях французский и музыку. Она привезла племянницу в Россию, когда той не исполнилось еще и трех лет. Вместе с Инессой жила также ее бабушка. Они вместе с теткой стремились воспитать из сироты благородную девушку, любили ее, но держали в строгости, стараясь оградить от «вредных влияний». Даже роман Достоевского «Преступление и наказание» был запретным чтением. Как говорила потом Крупская, Инессу воспитывали «в английском духе, требуя от нее большой выдержки». Однако никакие ограничения не помешали девочке развивать свои выдающиеся способности. К трем родным языкам она довольно быстро добавила немецкий, хотя владела им не так свободно, как, например, французским. С шести лет, сразу по приезде в Москву, Инессу стали учить музыке. К этим занятиям она проявляла большую склонность, превосходно играла на рояле. Юная воспитанница много читала. И очень рано начала чувствовать, что этот мир устроен несправедливо. Крупская вспоминала, явно со слов самой Инессы: «Пятилетней малышкой она вступилась за прислугу, которой делают выговор за плохо приготовленный обед. 13 лет она крестит ребенка у бабы, у которой помещица того имения, где жила Инесса, отказалась крестить ребенка, потому что он «незаконный». С ранних лет Инесса стремилась к установлению справедливости, к защите тех, кто был обижен богатыми, кто так или иначе пострадал от властей.

В 17 лет Инесса, как и мать Крупской, успешно сдала экзамены на звание домашней учительницы. А в 19 в ее жизни произошло счастливое событие: Инесса вышла замуж за Александра Арманды – представителя династии известных московских текстильных фабрикантов. Жених был на пять лет старше невесты. После венчания в метрической книге Николаевской церкви села Пушкина за 1893 год появилась стандартная запись: «Приходский священник Игнатий Казанский с причтом совершил 3 октября бракосочетание потомственного почетного гражданина, Московской I гильдии купеческого сына Александра Евгеньевича Арманды, православного вероисповедания, первым браком – с французской гражданкой, девицей, дочерью артиста Инессой-Елизаветой Федоровной Стефан, англиканского вероисповедания».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.